

УДК 101.1:316

Киселев В.И.*Кузбасская государственная педагогическая академия (г. Новокузнецк)***ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КАК ОСНОВА СОЕДИНЕНИЯ УСИЛИЙ
ОРГАНИЗАТОРА И ИСПОЛНИТЕЛЯ**

Аннотация. В статье утверждается, что формирование специфически человеческих взаимодействий предполагало и требовало формирования общественных, прежде всего – производственных, отношений, которые, вслед за совершенствованием орудий производства и повышением производительности труда (что только и позволяло удовлетворять всё возрастающие потребности), должны были постоянно совершенствоваться. Однако независимо от уровня производственных отношений (социальных формаций), процесс их формирования на основе взаимодействия, всегда связан с наличием противоположных субъектов: организатора и исполнителя.

Ключевые слова: взаимодействие, социальное напряжение, интересы, потребности, справедливость, производство.

V. Kiselev*Kuzbass State Pedagogical Academy (Novokuznetsk)***INTERACTION AS A BASIS FOR UNIFICATION OF ORGANIZER'S
AND EXECUTOR'S EFFORTS**

Abstract. The article argues that the emergence of specifically human interactions involved and required the formation of public, first of all industrial relations. The latter following the development of tools and raising productivity (which only allows to satisfy all growing needs) had to be continuously improved. However, regardless of the level of industrial relations (social formations), the process of their building through interaction is always associated with the opposite actors: Organizer and Executor.

Key words: interaction, social tension, interests, needs, justice, production.

Производство, каким оно было на протяжении всего периода своего формирования и на первых этапах периода своего развития, т.е. возрастающей эффективности усилий организатора (работодателя) и исполнителя (работника) при их взаимодействии, требовало для своего существования и совершенствования наличия сравнительно крупного объединения, каким не могла быть человеческая семья. Производство предполагало и требовало такого объединения, в котором поведение каждого из его членов определялось бы потребностями производственного объединения – нормами и правилами, одинаково обязательными для всех без исключения членов объединения, в котором все члены, независимо от физической силы и других индивидуальных качеств, обладали бы одинаковыми правами и обязанностями [6]. Другими словами, производство требовало

как сплочённых в материальном плане, так и согласованных в духовном плане отношений между производящими существами, в рамках согласованности их интересов.

Исходя из истории развития взаимодействия в совместной производственной деятельности, мы видим постоянное стремление организаторов деятельности привести социально-производственные отношения к согласию. Но социальные отношения содержат наряду с согласием и столкновение интересов – конфликт.

Противоречивые оценки социальной действительности, как с позиции согласия, так и с позиции столкновения – конфликта, мы обнаруживаем и в мировой социологической традиции, в русле которой широко обсуждаются различные проекты преобразований социальных отношений, или социальной связи в процессе взаимодействия.

Социальная связь, независимо от позиции субъекта взаимодействия, обуславливает зависимость человека (как социально-экономического субъекта) от других в удовлетворении первоочередных жизненно важных потребностей: питание, продолжение рода, признания. Человек подчинён социальным институтам, которые предоставляют ему возможность удовлетворять потребности. Тем не менее, каждый человек в той или иной мере испытывает противоречивое чувство к обществу.

С одной стороны, человек не хочет быть зависимым и постоянно, на протяжении всей своей жизни стремится к свободе, то есть к необременённости социальными связями. С другой стороны, только в обществе человек может удовлетворить свои жизненно

важные потребности. В феноменологическом аспекте этот противоречивый процесс, если позволительна такая аналогия, можно определить как «прокрустово ложе». Здесь, каждый индивид, уникальный по своей природе, обязан подчинить «свою» свободу «общей» необходимости и тем самым стать в определённом смысле «типичным», оставаясь, в то же самое время, самим собой; то есть, чем менее наша деятельность связана с деятельностью других людей, тем она [социально] свободнее, и наоборот, чем больше деятельность наша связана с другими людьми, тем она несвободнее. Иными словами, уникальность индивида отталкивает социум, в котором он (индивид) представляет себя не иначе как типичным и зависимым; с другой стороны, социум притягивает индивида, так как только здесь, в социуме, он может удовлетворить свои основные фундаментальные потребности.

В условиях рыночных отношений интересы работников и работодателей порождают время от времени социальные противоречия. Как правило, социальные противоречия исследователи объясняют тем, что все трактовки экономической эффективности не содержат возможностей для формулирования условий повышения социальной справедливости в рыночных отношениях, что приводит к столкновению интересов. Однако, как считает Д.С. Петросян, основательно и продолжительное время исследующий проблему соотношения принципов «социальной справедливости» и «экономической эффективности», без гуманистического начала социально-экономические отношения лишены развития [10].

Одним из постоянных стремлений людей является желание получить справедливую оценку своим действиям. Люди, хотя и не в одинаковой степени, но желают, чтобы к ним относились справедливо [11, с. 89].

Русский мыслитель П.А. Кропоткин определял альтруизм (великодушие, готовность к самопожертвованию) как третью составную часть нравственности, в которую входят также инстинкт, т.е. унаследованная привычка общительности, и понятие разума – справедливость. Справедливость он отождествлял с равенством. «Равенство во всём, – писал он, – синоним справедливости» [8, с. 39].

Основная идея основателя теории равенства С. Адамса состояла в том, что в процессе совместной деятельности человек сравнивает то, как были оценены его действия, с тем, как были оценены действия *других*. И на основе этого сравнения в зависимости от того, удовлетворён ли он своей сравнительной оценкой или нет, человек модифицирует своё поведение.

Сложнее объяснить причину политического и социального неравенства и на этой основе показать возможности *согласия* в социальной деятельности. По Руссо, переход от естественного состояния к гражданскому обществу означает деградацию. Человек у Руссо становится злым, вступая в общение с себе подобными. Выйдя из естественного состояния, человек постепенно создаёт орудия труда, начинает пользоваться разумом и языком, техническими средствами, осваивает ткачество и металлургию и начинает создавать политические институты. В результате усиливается неравенство и зарождается «несправедливость по-

литических обществ», в которых «горстка людей утопает в излишествах, тогда как голодная масса лишена необходимого» [12, с. 98].

Справедливость нередко рассматривается как неразделимое со свободой явление. Справедливость, по Канту, несовместима только с субъективным взглядом на мир, с мнением, произволом и т.п., она предполагает её понимание как объективного разума и состоит «в том, чтобы свобода обрела своё наличное бытие» [5, с. 413].

Марксизм связал проблему справедливости с общественными отношениями, их особенностями в различных социально-исторических условиях. При этом сами общественные отношения представлялись как справедливые в том случае, когда они находятся в соответствии с исторической необходимостью и практической возможностью создания таких условий человеческой жизни, которые отвечают данной исторической эпохе. И наоборот, эти отношения, тот или иной способ производства становятся несправедливыми тогда, когда они, как говорил Ф. Энгельс, проходят «уже немалую часть своей нисходящей линии», наполовину изживают себя, когда условия их существования «в значительной мере исчезли» и их преемник «уже стучится в дверь». Именно в этот период «всё более возрастающее неравенство распределения начинает представляться несправедливым, лишь тогда начинают апеллировать от изживших себя фактов к так называемой вечной справедливости» [9, с. 153].

Иную, обратную марксизму позицию занимал М. Вебер. В книге «История хозяйства» М. Вебер, анализируя развитие собственности, пишет, что

«внутреннее развитие господской собственности, особенно крупного помещичьего землевладения на Западе, обусловлено, прежде всего, политическими и сословными отношениями» [1, с. 78]. «Различию между свободными и несвободными людьми соответствовало различие между *свободными и несвободными отношениями при съёме земли*» [1, с. 80].

В основе становления и развития новейшего капитализма, прежде всего как метода ведения хозяйства лежит «... рациональный расчёт капитала, как норма для всех крупных промышленных предприятий, работающих на удовлетворение повседневных потребностей» [1, с. 255].

К создателям капитализма, наряду с рациональным постоянным предприятием, рациональной бухгалтерией, рациональной техникой и рациональным правом, Вебер относит и «рациональный образ мысли, рационализирование образа жизни, рациональную хозяйственную этику» [1, с. 255].

Этика хозяйственных отношений основывается – по Веберу – на «*традиционности – святости предания*», сохранении способов ведения торговли и хозяйства в том виде, в каком они перешли к нам от предков. Неспособность и нежелание отказаться от рутины, по словам Вебера, – основа всякой традиции. Присущая человеку склонность к рутине может быть усилена, как пишет Вебер в своих трудах «Социология религии» и «Протестантская этика и дух капитализма», двумя обстоятельствами: *материальными интересами* и «*суеверным стремлением сохранить все привычные способы деятельности из глубокого опасения, что малейшее изменение в обычном ходе*

жизни вызовет враждебные действия со стороны руководящих нами таинственных сил» [1, с. 320].

В работе «Протестантская этика и дух капитализма» Вебер не задаётся вопросом о происхождении капиталистических форм хозяйственной организации, его интересует процесс возникновения той хозяйственной идеологии, которую он называет «капиталистическим духом» и которая была опосредована религиозными мотивами, а именно – протестантской этикой [2, с. 172].

В работе «Хозяйственная этика мировых религий» Вебер подошёл к изучению религиозных идей с точки зрения их отношения к коллективным действиям и, в особенности, с позиции социальных процессов, в ходе которых вдохновляющие идеи немногих становятся убеждениями массы людей. Вебер рассматривал общество как арену соревнующихся социальных групп, где каждая имеет свои экономические интересы, чувство достоинства, соответствующее своему статусу, и обладает определённым взглядом на окружающий мир и на людей. Каждая из ведущих социальных групп сталкивалась с противодействием одной или нескольких групп, которые подобным же образом стремятся к удовлетворению материальных и духовных интересов, для того чтобы утвердить или усилить исключительность и материальные привилегии своего «образа жизни». Вебер рассматривает каждую социальную группу как склонную к определённым идеям в силу своего образа жизни. Так, крестьяне склонны обоготворять природу и заниматься магией; христианское благочестие – это типично городской и буржуаз-

ный феномен; военная аристократия или иные доминирующие группы обладают чувством собственного достоинства, которое заставляет их отвергать религиозную идеализацию покорности и смирения. Частичное расхождение во взглядах и интересах требует исследования имевших место в прошлом конфликтов и причин их возможного разрешения, ведущего к формированию политической модели «господства и согласия» [3].

Субъект в определённом поле совместной деятельности – это носитель социальной энергии – напряжённости, в которой он выступает как отдельный частный индивид, наделённый единичной волей, представленной частным интересом в системе социальных отношений и, одновременно, как представитель определённой группы, выразитель «общей воли» (нравственности), или общего социального интереса. При этом противопоставление внутреннего и внешнего в субъекте в момент (деятельности) непосредственного контакта (с контрсубъектом) снимается, так как они являются разными полюсами *единого пространства*, поля *взаимодействия*.

В социальное взаимодействие включены субъекты с различными, порой противоположными и, нередко, с (внутренне) противоречивыми интенциями. В реальном обществе субъект (в обоих случаях отношений) взаимодействует не с одним, а с несколькими субъектами. Социально только то действие, как считал М. Вебер, которое по своему смыслу ориентировано на поведение других [4].

В стремлении к взаимодействию с другими субъектами с целью удовлетворения определённых потребностей

интерес отдельного субъекта является *субъективным* побудителем. Однако в процессе непосредственной деятельности личностные интересы субъектов в силу *взаимодействия* закономерно преобразуются в *объективный* общий интерес, так как без данного осознанного или неосознанного преобразования интересов, в принципе невозможна социальная деятельность. Непосредственное «живое» взаимодействие субъектов, таким образом, «объективирует» субъективные интересы, превращая их в интересы социальные. Социальный интерес, в свою очередь, фиксируется во взаимодействии не иначе как через отдельного субъекта. В этой антиномии и заключается трудность в понимании «трансцендентности» интереса.

Взаимодействие играет роль известного «чёрного ящика» (аналитической модели), у которого вещь «на выходе» совсем иная, чем «на входе». Вещь на выходе, или *результат взаимодействия* субъектов, будет тем эффективнее, чем выше справедливость во взаимодействии, т.е. беспристрастная согласованность их интересов, а значит и более устойчивы социальные связи и возникающие в определённом контексте социальные отношения. Таков механизм перехода интересов с личностного уровня на социально-общностный. Беспристрастная согласованность интересов здесь скорее цель, чем средство.

Бессознательно живущий в нас метафизик постоянно стремится к статической оценке соотношений усилий организатора и исполнителя при взаимодействии, впадая тем самым в парадокс: желая выразить справедливость, опорожняет понятие от ощущение

ния. Понятие «социальная справедливость» применимо только к *множеству* реальных соотношений, то есть характеризует *динамику* соотношений «вклад-отдача», причём в реальном, а не в абстрактном времени. Справедливость, таким образом, не столько состояние, сколько тенденция.

Справедливость с позиции рационального взаимодействия определяется как тенденция в реальной практике, а не умозрительная данность в утилитаризме Бентама («благо») и в деонтологическом либерализме Ролза («учение о должном»); справедливость – как тенденция приближения к равенству обмена усилий организатора и исполнителя: от физического минимума к максимуму социальному (именно приближения, как отказа от полного равенства в пользу *развития*). Причём, процесс бесконечного «приближения» определяется в контексте рационального взаимодействия и генетически связан с противоположным процессом в поле совместной деятельности – эффективности (экономической). Социальная справедливость – прямой критерий нравственности (осознанности) поля социума и – косвенный – эффективности. (Экономическая эффективность, в свою очередь, является прямым критерием развития поля социума и косвенным – социальной справедливости). По справедливому утверждению Аристотеля, *законодатель должен стремиться не к равенству, а к выравниванию собственности. Важно не у кого собственность, а как её используют.*

Сущность взаимодействия, таким образом, является *организацией* совместной или социальной деятельности индивидов – организации их уси-

лий – энергий, а сущность человека, стало быть, есть совокупность социальных отношений. Человек и общество диалектически взаимосвязаны. Они не могут рассматриваться изолированно друг от друга: нет общества без человека, но и человек существует только в обществе, или, как утверждал Гёте, «человек немислим без людей».

Таким образом, проведённое исследование позволяет сделать следующие выводы.

Любое объединение людей определённым образом организовано – структурировано. Даже самая примитивная организация немислива без разнополюсных субъектов: организатора и исполнителя – работодателя (господствующего) и работника (подчиняющегося).

Обмен, сближение, уподобление (конвергенция) усилий (энергий) организатора и исполнителя сплавивает их при производстве и разобщает при распределении результата их взаимодействия.

Организация взаимодействия осуществляется посредством *интеграции* и *дифференциации*. Интеграция необходима для преобразования природной (живой) энергии субъектов в социальную. Дифференциация, или распределение, овеществлённой (преобразованной) социальной энергии по признаку значимости «вклада» необходима для стимулирования развития самого взаимодействия в общем, и каждого субъекта – в отдельности.

Повторим, что каждый субъект взаимодействия, в той или иной мере стремится к свободе – к необременённости социальными связями. Однако каждый живой человек, в силу постоянно возникающей потребности в пи-

тании, продолжении рода и признания, *социально «связан»* обществом, так как только здесь, в обществе – в совместной деятельности, он может удовлетворить потребности в продолжении рода и признании. Без удовлетворения фундаментальной потребности «признания» нет и не может быть развития. Человек вне социума деградирует.

Производственная деятельность, как специфически человеческая, постоянно развивающаяся деятельность, изменяет природу человека – переводит из животного природного состояния, в *осмысленное* человеческое состояние. Процесс осмысления окружающего природного и человеческого мира и себя в этом мире, где, наряду с развитием материальной среды – совершенствованием орудий производства, совершенствуются социальные отношения и, тем самым, совершенствуется и сам человек. Развитие человека обусловлено развитием социальных отношений; в свою очередь, развитие социальных отношений обусловлено развитием производственных. Однако разница отношений к условиям совместной производственной деятельности создаёт напряжение. Разница отношений, таким образом, есть источник, природа *социального* напряжения [7].

Социальное напряжение и его источник – разность отношений организатора и исполнителя к условиям совместной деятельности, как и сама совместная деятельность и её субъекты – организатор и исполнитель, имеют место быть до тех пор, пока существует высшая на Земле форма организации живой природы – общество, какого бы уровня развития (формации) оно ни достигло. Нет, и не

может быть в принципе совместной деятельности без наличия основных её субъектов – организатора и исполнителя. Совместная деятельность без организатора – такая же бессмыслица, как и совместная деятельность без непосредственных исполнителей.

Наиболее эффективное соединение усилий организатора и исполнителя в процессе их взаимодействия невозможно без согласованности интересов того и другого. При определённых условиях совместной деятельности, индивиды организуются таким образом, что их взаимозависимость становится возможно более полной. Коллектив превращается, таким образом, в организованный коллектив или целое, где интегрирующим фактором или единством цели всегда (в силу постоянного роста потребностей) и при любых обстоятельствах (способах производства) выступало стремление улучшить условия своего существования (жизненное пространство и энергоресурс), которое, в свою очередь, может быть реализовано только посредством повышения эффективности взаимодействия.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Вебер М. История хозяйства. Город / пер. с нем.; под ред. И. Гревса и др. – М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2001. – 576 с.
2. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма: Избранное. – М.: Прогресс, 1990. – 808 с.
3. Вебер М. Избранное. Образ общества / пер. с нем. – М.: Юрист, 1994. – 704 с.
4. Вебер М. Основные социологические понятия // Западно-европейская социология XIX-начала XX веков. – М., 1996. – С. 455-491.
5. Гегель Г. Философия права. – М.: Мысль, 1990. – 524 с.

6. Киселев В.И. Производство как интегрирующий фактор антропосоциогенеза // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Экономика». – 2013. – № 3. – С. 28–33.
7. Киселев В. И. Социальная напряжённость как социально-философская категория (постановка проблемы) // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – СПб., 2013. – № 160. – С. 166–174.
8. Кропоткин П.А. Этика: избранные труды. – М.: Политиздат, 1991. – 496 с.
9. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения / Пер. с нем. – Изд. 2-е. – М.: Изд-во политической литературы, 1961. – Т. 20. – 827 с.
10. Петросян Д.С. Гуманистическая экономика и управление: новая парадигма хозяйствования и экономическая политика в России. – М.: Прометей, 2001. – 217 с.
11. Роббинз Стивен П. Основы организационного поведения. – 8-е изд.: пер. с англ. – М.: Вильямс, 2006. – 448 с.
12. Руссо Ж.-Ж. Трактаты. – М.: Наука, 1969. – 287 с.